

Булгаков С., прот. Нация и человечество

Принцип национальности должен быть возведен от эмпирической фактичности к основам антропологии: именно, он коренится в трехчастном строении человека. Человек есть воплощенный дух и, как таковой, состоит из духа, и души и тела, — одушевленной телесности. В нем есть личное и родовое начало, мужское и женственное. Дух есть божественное начало в человеке, имеющее жизнь в себе и раскрывающееся в Боге. Человеческая личность есть личный дух по образу Христову и в этом, онтологическом, смысле она причастна Христу, Его вселенскому вселику. Во Христе, как и в человеческом духе, «несть эллин и иудей, варвар и скиф, раб и свободь, но всяческая и во всех Христос». Члены тела Христова суть тем самым граждане мира, члены вселенского братства, не интернациональное, но сверх-национальное, духовное объединение. Поскольку дух обращен ко Христу, он вне- или сверх-национален. Тот, кто следует за Христом, в этом смысле отвергается себя и своей душевно-телесности: «кто, приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, и притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником» (Лк. 1.4, 26). Образ того же самого отречения в В. З. есть Авраам, которому было сказано: «Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую я тебя укажу» (Быт. 12, 1), а в Н. З. апостол Павел, в котором умер Савл, слуга синагоги, «из иудеев иудей», но родился апостол языков, и для него во Христе Иисусе уже «не имеет силы ни обрезание, ни необрезание» (Гал. 5, 6). И к тому же был приведен — не без противления — и апостол Петр, которому, посланному к Корнилию, было открыто, что «Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему» (Деян. 10, 34-5).

Так называемая духовная жизнь выходит до известных пределов из-под власти эмпирии, с ее становлением, пространственностью и временностью. Она не только сверх-национальна, но и сверх-исторична. В ней дух смотрится в самого себя и видит себя в Боге. Сокровища духовной жизни открываются в меру духовного вмещения, они имеют вечную ценность, будучи освещены не снизу, не сбоку, но сверху. Это есть вечная жизнь, о которой учит Христос. В памятниках духовной письменности христианской мы не столько замечаем время, место, национальность в их происхождении, сколько поражаемся сродством и тождеством их содержания. И Вечная Книга, Св. Евангелие, как и весь Новый Завет, написанные евреями (притом не на лучшем греческом языке, иногда, как Апокалипсис, чуть ли не на жаргонном) совершенно не знают для себя греческой национальности, места и времени. Отсюда один шаг до заключения, что дух вообще не национален, даже чужд, враждебен национальности, ее превосходит, растворяет, упраздняет, ибо истинная духовность не только переступает ее грани, но имера этого преодоления есть мера духовности. Однако приходится сказать, что

это так, но и не так, а если понять духовность, как отрицание национальности, то и совсем не так.

Вернемся к исходным идеям антропологии. Человек есть не бесплотный дух, но воплощенный, и в этом его отличие от ангелов, как свободных от плоти, но зато и не имеющих своего собственного мира, лишенных прямого в нем участия и имеющих его лишь через человека, в силу со-человечности своей. Конечно, и бесплотные духи, так же как и человеческий дух в себе, независимо от своей конкретной воплощенности, являются индивидуально окачественными. Каждое духовное, ангельское и человеческое я, представляет собой особый луч в плероме Божества, будучи природно тождественно, но ипостасно различно. Ангелы не знают родства, но только иерархию, суть не род, но собор, не имеют, поэтому и национальности. Однако, в силу этой индивидуальной окачественности своей, они же суть гении мест и эпох, церквей и народов, — ангелы народов суть умопостигаемая основа их бытия. Человек же, как воплощенный дух, соединен с душой и телом, т.-е. одушевленной плотью, и в этом и через это имеет родоую основу бытия, корни, погруженные в родную землю, освещаемую духом ночную тьму. Человек есть единство света и тьмы, дня и ночи, личности и рода, которого он есть звено, сын или дочь, отец или мать, брат и сестра, муж и жена, сын своей земли и своего народа. Его жизнь и творчество духовно-телесно. Солнечная, мужественная сила духа являет себя в соединении с психеей, которая связана с землей, перво-материей мира. Начало родовой жизни соединяет человека и с животным миром, духоносность же отличает его от последнего. Животные хотя и имеют индивидуальность, но не знают личности, которая присуща лишь духу. Человеческий дух имеет природу, которая однако существует лишь для вечного духа. Теософские «расы», «под-расы», «духовные сущности», которых скрещивающимся и пересекающимся взаимодействием является человеческая личность, упраздняет эту личность, как таковую. Но личность существует действительно только в связи целого как бы мы его ни называли: природа, душа, мир, земля, род и т. п.; человек есть родовое существо, и род есть общее сказуемое для неопределенного числа подлежащих. Это сказуемое, в свою очередь, представляет собою сложное и многообразное сочленение, начиная от семьи и восходя к более обширным многоединствам родовой жизни, — и в ряду их существует и национальность. Если в духовном мире индивидуальный дух имеет для себя изначальную, от Бога исшедшую реальность, которая осознается и развивается на протяжении всей личной жизни, то природно-родовое начало всецело погружено в становление. В частности, нации возникают, смешиваются, умирают, амальгамируются, и вообще идея чистой нации есть одна из утопий, фальшивых ценностей, которые соблазняют человечество. Но это не лишает национальные амальгамы собственного конкретного бытия, даже и при всеобщей сращенности. В становлении осуществляется изначальная, софийная идея бытия. И национальность не есть только факт и в этом смысле

историческая случайность, пузырь на море бытия, но и умная сущность, умопостигаемое начало, которому поэтому соответствует особый его носитель в ангельском мире. Родовое начало, психея есть для человека непреложный факт его собственной природы, от которого он онтологически не может, а аксиологически не должен освободиться, ибо это значило бы развоплотиться, перестать быть в своем собственном человеческом чине. Это люциферическое восстание против Творца, в утопически неосуществимом стремлении перестать быть самим собой, есть мерзость перед Господом. Однако недостойно человека всяческое фактопоклонство, и факт должен быть принят как ценность и оправдан как идея, из фактичности стать долженствованием, и, конечно, этим оформляющим началом является дух. Человек есть сложное и поэтому трудное для себя самого существо, но трудность эту подъял на Себя Богочеловек, — в б о г о в о п л о щ е н и и. Гармония и равновесие есть здесь искомое, и всякое упрощение в ту или иную сторону извращает онтологическое соотношение в его антиномичности. Космополитизм, под предлогом мнимой духовности, есть такая же ложь, как и зоологический интернационализм, упраздняющий целостное восприятие психеи ради одной лишь стороны родового существования, именно классовой, социальной солидарности. И такую же ложь являет собой звериный национализм, в котором опрокидываются иерархии ценностей и усваивается приоритет не духа над психеей, но психеи над духом. Еще К. Леонтьев отметил связь между упадком духовности и ростом наступательного национализма малых, искусственно возрождаемых народностей с их партикуляризмом. Равновесие здесь находится нелегко. Однако для правильной постановки вопроса и для соблюдения иерархии ценностей необходимо установить основные постулаты. И, прежде всего, естественно для человека в силу его онтологии любить свою психею, как род и родину, народ и землю, во всем составе этого комплекса: язык, характер, дары, творчество, историю, а потому и должно любить, греховно не любить, ибо было бы онтологическим уродством, извращением, оскудением. Только любовь дает зрячесть и прозрение, без любви нельзя знать, и нелюбовь есть и отце- и матереубийство, самоубийство. Конечно, это не есть та высшая любовь личностей между собою, которая соответствует триипостасному образу любви во Св. Троице. Это есть иной образ любви, именно личности к своему достоянию, которая соответствует любви Бога к Софии в само-откровении Его. Такое самораскрытие человека, как творчество себя в своей стихии, не осуществимовне полноты жизни в природе, психее. Существует не только естественная любовь, но и долг любви, а, следовательно, и верности своей родине, как своей психее и своему телу. Эта любовь не должна быть самоутверждающейся в ограниченности своей, которая оборачивалась бы враждой или презрительностью к другим народам, но она не может не быть исключительной. Вл. Соловьев, развивая идею «национального альтруизма», выставил совершенно фальшивую и утопическую максиму: люби чужие национальности, как свою собственную. Это подобно тому, как если бы

сказать: надо любить чужих жен и чужих детей, чужих друзей, как своих собственных. Эта идея неверна онтологически, ибо существуют такие отношения, которых самая природа состоит в их исключительности. Сюда относится любовь к своим и к своему, — это свойство именно и есть здесь объект любви. Однако такой вид любви отличается особенной трудностью и подвергается особой опасности. Именно, насколько любовь личная вообще есть жертвенность и подлинный альтруизм, настолько же любовь к своему всегда угрожает стать себялюбием. Любовь свойственна лишь духу, я, и любовь к родине есть все-таки духовное самоопределение и постольку она требует от него жертвенности, однако без обращения предмета любви в кумир, в мнимое божество. Свое есть не подлежащее или соподлежащее в любви, а лишь сказуемое, женственно-пассивное и женственно-двусмысленное. Любовь к своему должна быть активностью духа, но отнюдь не его угашением. Грехом против этой любви является измена своему или мимикрия ради личной корысти, благополучия. Немошь этой любви, в известных пределах неодолимая, есть забвение и ассимиляция. Сила же этой любви есть духовное творчество, самораскрытие духа не только в себе, но и в своем, то, что и может быть подлинно названо культурой. Родина есть для нас предмет культурного творчества, это мы самив наших особенных дарах и талантах. Родина есть наша душа и наша плоть, как вместилище нашего духа. Поэтому ее полнота в нас есть *maximum* нашего бытия и творчества, ее ущербленность есть замирание его, и денационализация есть культурная смерть, хотя бы на могиле и были поставлены оранжерейные растения и крашенные бумажные цветы.

Однако понятие родины и нации исторически относительно. Оно может расширяться до пределов мировой империи с национальным синкретизмом и до общечеловеческого вселенского сознания, ибо тело наше включает в себя связь со всем миром, и древо рода связано в корнях своих со всем человечеством, целостным Адамом. Нация в данном виде есть фактическое состояние, исторически обусловленное. Она все время изменяется, переплавляется, расширяется, сужается, живет в нас. С одной стороны существует тенденция к расширению ее границ и даже как будто к преодолению, возникает — и более всего под влиянием христианства с его культурой — подлинное гражданство мира. Но одновременно, вместе с обостренной национальной рефлексией, углубляются национальные грани, и усиливается национальная дифференциация. Нация есть воля к бытию, которая может стать и безволием. Гражданство мира, всечеловечность совсем не есть упразднение нации, напротив, это есть ее высший возраст. Человечество вырастает во всечеловеческую христианскую соборность не только в отдельных индивидах, но и в нациях, во всей конкретности жизни. Обезличивающая нивелировка и абстрактное уравнивание космополитизма есть пустота, а не вселенскость, так же как волапюк есть головное измышление, а вовсе не преодоление Вавилонского многоязычия. Путь Лозанны, преодоление изнутри, а не извне есть истинная Пятидесятница языков, их

делающая понятными друг другу, каждому на своем собственном языке. «Сии говорящие не все ли Галилеяне? Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором мы родились?» (Д. А. 2, 7-8). Поэтому максима здорового национального чувства или даже национального альтруизма, в отличие от Соловьевской, говорит, исходя из своего национального чувства, не желай зла и не ищи уничтожения и насильственного растворения (ассимиляции) других народов, но признавай их право на существование, как и свое собственное, живи и жить давай другим, в свободном соревновании сопрягая свои усилия.

Итак, из сказанного следует, что нация есть душевно-телесное начало в человеке не дух, но душа и тело. Стало быть, национальному чувству и его ценностям не принадлежит автономного самодовлеющего бытия, оно должно быть покорено духом с его богоустремленностью. Бог выше нации, и единение в Боге выше национального единства; соборность духовная объемлет все народы, и вселенская церковь состоит из разных национальных церквей. Что же означает здесь это верховенство духа? Оно значит прежде всего жизненное сознание того, что люди, различные национально, равны и тождественны духовно, — всяческая и во всех Христос. Для христианина языческим и даже животным является такое самосознание, при котором национальность получает первенствующее значение. Поэтому духовная аскеза должна обуздывать буйство национальных страстей, хотя этим не устраняется такая конкретность духовной жизни, которая получает для себя материал и содержание в нации, как особом таланте.

Главенство духа в натуральном сознании ведет, далее, к тому, что нация воспринимается не только как данность или факт, но как творческая задача и долг. Национальное начало должно всегда находиться в творческом напряжении, подобно духу, и лишь в таком образе оно оправдывает свое существование и является творчески плодотворно, — не есть фетиш или идол, но живая психея. Но и творческое отношение к своей национальной культуре не допускает исключительности, напротив, здесь имеет силу принцип: *ab uno disce omnia*. Может быть, в этом можно найти разгадку того, что великий национальный и вместе вселенский поэт Пушкин обладал этим чудесным даром «перевоплощения» в своем творчестве. Напрасно Достоевский, желая возвеличить эту черту гения, усмотрел в этой универсальности национальную черту русского поэта и тем умалил ее, превратив в факт то, что не есть факт, но творческий принцип. И, конечно, эта же самая черта, способность к перевоплощаемости, свойственна вообще человеческому гению, в меру его творческого дара: Шекспиру, Гете. Ибо действительная, творческая любовь свободна, — познайте истину, и истина освободит вас. На почве соревнования в творчестве возникает и углубляется взаимная любовь, понимание и солидарность народов, которая достигает своего центрального фокуса в жизни религиозной, в любви ко Христу и в служении Христу. Христиане разных народов должны любить и чтить взаимно свои христианские дары, и они не могут и не должны ненавидеть

друг друга национальной ненавистью. Поэтому такие нечестивые выдумки как «deutsches Christentum» или еще хуже «arisches Christentum» (имеющие для себя предшественников в нашем Союзе русского народа) внутренне противоречивы, ибо вводят недопустимый для христианина примат нации, разделяют Христа и хотят изгнать из церкви не-немцев или не-арийцев. Это есть также мерзость перед Господом.

Конечно, не нужно фальшивить и укрываться в идиллию от трагедии, которую представляет собой всемирная история. Наши могут соревноваться между собой и вступать в борьбу за самое свое существование, и может оказаться неизбежною национальная самозащита и национальная борьба и, по обстоятельствам, не только пассивная, но и активная. Подобные случаи полны искушений, но руководящими и здесь должен оставаться принцип примата духа и творчества, а не голой экспансии. Совесть, которой «несть на свете нужнейши», должна свидетельствовать о допустимости и недопустимости того или иного проявления национальной чувства, и горе, когда она затемняется, и побеждают страсти.

Итак, нация есть данность и заданность. Парадокс национального самосознания в том, что для последнего собственная нация практически имеет единственное и исключительное значение, подобно собственному я для человека, несмотря на то, что все человечество состоит из я. Но о себе человек не может говорить в третьем лице, ибо он сам для себя есть субъект, а не объект, и объективность в любви есть своего рода горячий лед, *contradictio in adjecto*. Однако эта единственность есть иллюзия трансцендентального сознания. Поскольку я в самой янности своей предполагает некие со-я или вне-я, — ты, он, мы, вы, они, — постольку и нация в конкретной особенности своей предполагает другия со-нации и ими ограничивается в отношении своего эгоцентризма. И как другие со-я для замкнутого я открывают врата любви, по образу триипостасной Любви, так и эти сонациональные я открывают двери к солидарности народов, и только эта открытость составляет условие здорового национального самосознания, не отравленного исключительностью эгоцентризма и заранее устраняющего идею избранности и единственности. Здесь перед нами встает проблема избранного народа, на что всегда притязает потерявшее равновесие национальное чувство, причем парадоксия этого чувства приводит к тому, что нарочито антисемитствующий национализм пародирует именно пережившее себя еврейское самосознание избранности. Ветхозаветный Израиль был избранным народом, с которым сам Бог в лице Авраама, заключил завет и удостоил его быть истинным носителем богопочитания. К чему относилось и какое значение имело это богоизбранничество? Конечно, оно могло относиться именно к тому, что в Израиле имело характер всечеловеческой всеобщности, а не частной этнической особенности. В последнем смысле Израиль и по Библии представляется лишь отпрыском целой национальной группы (Сим, Хам,

Иафет) и в свою очередь дает отпрыски (Измаил), исам есть, конечно, только один из многих, — небольшой народец, не имеющий своей особой культуры и политического значения, притом «жестоковыйный», с «необрезанным сердцем», по природным свойствам менее для нас привлекательный, чем, например, эллины и их культурные предки египтяне и др. Избранничество имеет значение преодоления национального партикуляризма, которое осуществлялось в Адаме до грехопадения: целостный, сверх-национальный или вненациональный всечеловек. Израиль был призван послужить боговоплощению, явлению Нового Адама, в котором «благословятся все племена земные», и «несть эллин и иудей». Израиль призван был стать глиной в руках горшечника, и для приготовления этой глины, для выделения и воспитания «святого остатка». Церкви Ветхозаветной были даны все благодатные средства к тому, чтобы на древе Израиля расцвела райская лилия, и в мире явилась Дева Мария, которая стала Матерью Господа, а в лице Иоанна апостола — и всего человеческого рода. Конечно, есть таинственная и не подлежащая разумению связь между Иудейским народом и его порождением — Новым Адамом, как между глиной и сосудом, однако глина не есть сосуд, и не фактическая принадлежность к племени сама по себе дает эту избранность, как прямо и говорит ап. Павел: «Не все те израильтяне, которые от Израиля, и не все те дети Авраама, который от семени (его)... То-есть не плотские дети суть дети Божия, но дети обетования признаются за семя» (Рим. 9, 7-8). И надо прямо сказать: избранничество избранного народа закончилось вместе с достижением цели боговоплощения, и после него нет и не может быть избранного народа, кто бы на это ни притязал, ибо все избранные и призваны (как и об Израиле самом говорит ап. Павел: «дары и призвание Божие непреложны» Р. 11, 29). Поэтому идея избранного народа имеет только христологический смысл, в связи с боговоплощением, а после совершившегося боговоплощения все человечество стало человечеством Христовым. Поэтому и Израиль потерял свою избранность, и вообще является кощунственным притязанием со стороны какого-либо народа только самого себя считать народом избранным, т.-е. народом Христовым. Все народы суть Христовы, но и к каждому может быть обращено слово Его в Апокалипсисе к церкви Ефесской: «Скоро приду к тебе и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься» (Откр. 2, 5).

Образ самого Христа дает нам идеал нормального соотношения национального и вселенского сознания. Господь воспринял подлинное человечество, которое включает и конкретное национальное самосознание. Он был сын Давида, сын Авраама (Мф. 1, 1). Он считал себя посланным прежде всего к погибшим овцам дома Израилева, детям Божиим, по сравнению с которыми язычники были «псами», и не отрицался, когда самарянка зовет Его иудеем («жидовин сый») (Ио. 4, 8). Он плакал о св. городе и Своем народе, который Он хотел собрать около Себя, как кокош собирает птенцов под крылья свои, и об его судьбе: «ныне оставляется дом ваш пуст», — о чем Он так много говорит и в притчах. И, однако, при всей

естественности и ответственности своего национального служения, Господь не только не унижает ни сиропиникияику, ни самарянку, ни эллинов, ни римлян, но в свершение своего служения посылает апостолов ко всем языкам, навстречу Пятидесятнице народов. И, что еще важнее, в пресветлом лице Сына Авраамова нет никаких следов национальной ограниченности, с которыми у людей обычно связана их индивидуальность, но, напротив, в лице национальном светится вселенский, всечеловеческий. Все национальные лики в лице Христовом узнают и находят свой собственный лик, это одно из молчаливых чудес Евангелия, с нерукотворным образом Христа в нем содержащемся. И в этом образе, которым запечатлен всякий человеческий лик, находят для себя единение все национальные лики: эллин и иудей, варвар и скиф, как и мужеский пол, так и женский. Во Христе получают для себя ответ все вопросы, в частности и национальный. Национальность есть в нас и страсть, и бремя, и судьба, и долг, и дар, и призвание, и жизнь. Ей должна быть являема верность, к ней должна быть хранима любовь, но она нуждается в воспитании, просветлении, преображении. Космополитический гомункул вольтеровского и коммунистического образца в жизни не существует, иначе как только диалектический момент в путях истории. Церковь состоит из национальных церквей, также как человечество из наций. И для нас, русских, православная культура предстоит, как наш русский творческий вклад во вселенское дело. Только национальное есть и вселенское, и только во вселенском существует национальное. Дух един и прост, плоть же, с ее психеей, многочастна и многообразна, «многообразная Премудрость Божия» (Еф. 3, 10).

Прот. С. Булгаков.